

СОДЕРЖАНИЕ

Дядя Гэн	3
Мусасино.	27
Незабвенные	58
Смерть	76
Две девушки	93
Туман над рекой	108
Охота на оленей	123
Последняя воля	137
Предместье	143
Первая любовь	164
Прощальный подарок	169
Маленькая весна	183
Старший внук	203
Возвращение	208
Мясо и картофель	258

ДЯДЯ ГЭН

1

Один молодой учитель из столицы на год приехал в Саики учить детей родному языку; прибыл он в середине осени, а в середине следующего лета уехал. В начале лета ему надоело жить в городке, и он перебрался на берег в гавань под названием Кацура в половине ри* от городка, оттуда и ходил на уроки. Учитель прожил там всего месяц, и людей, с которыми за этот месяц перекинулся хоть словом, едва можно было пересчитать по пальцам одной руки. Разговаривал он главным образом с хозяином гостиницы.

Однажды дождливым ветреным вечером, когда волны бились о берег с особенно яростным грохотом, даже любившему одиночество и замкнутому учителю стало одиноко, и он спустился из своей комнаты на втором этаже к хозяину и его жене, которые наслаждались прохладой на энгаве**. Су-

---

* 1 ри — 3,927 км. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Энгава — веранда в традиционном японском доме, представляет собой открытую галерею вдоль двух или трех стен дома.

пруги не зажигали света, сидели в полумраке и разговаривали, веерами отгоняя комаров; увидев учителя, они с удивлением уступили ему место. Вечерний ветер слегка сдувал дождь, и, утирая время от времени одну-две капли с лица, — это было даже приятно, — все трое постепенно разговорились.

С тех пор как учитель вернулся в столицу, минуло много дней и месяцев, и вот однажды, спустя несколько лет, зимой, глубокой ночью, когда уже перевалило за час, он сидел в одиночестве за низким столиком и перечитывал письмо. Письмо это он собирался отправить старому другу в родные края. Той ночью на его бледном встревоженном лице слегка проступили красные пятна, а взгляд его был устремлен в никуда, как будто его окружал туман, и он пытался в нем что-то рассмотреть.

Среди тумана стоял старик.

Отложив кисть, учитель перечитал письмо. Закончив, закрыл глаза. Но даже с опущенными веками он видел того же старика. Письмо гласило: «Хозяин кое-что рассказал мне о нем. Такие люди не редкость. Если поискать, ты найдешь по всей стране в тени гор и на побережьях множество похожих стариков. И все же я не могу забыть этого человека. Все словно скрывали от меня, кто он такой: кого бы я ни спрашивал — бесполезно, словно передо мной оказалась запертая шкатулка. Пожалуй, мне следовало отнестись к нему с обычным скептицизмом. И все же каждый раз, когда я о нем думаю, во мне пробуждается чувство, какое бывает у странника, когда он слышит вдалеке песню

флейты и тоскует по дому, или же такое, словно дочитал изысканное стихотворение и смотришь в бескрайнее небо».

Об этом старике учителю было известно мало подробностей. Хозяин гостиницы рассказал о нем только в общих чертах и то, что, возможно, узнал от самого старика. Но этого учитель не знал и рассказывал со слов хозяина гостиницы.

«Эта гавань очень подходит городу Саики. Как видно, несколько домов там есть, но живет в них меньше двадцати человек, и в городке всегда пустынно. Дом дяди Гэна стоит отдельно на побережье и выглядит еще более одиноким. Он словно сосна, которая сейчас стоит у дороги и летом дарит путникам прохладную тень, но еще лет десять назад морские волны омывали ее корни. Когда я шел из городка и видел, как лодка дяди Гэна выходит в море, я часто присаживался на скалу и смотрел, но сейчас, боюсь, и эта скала раскололась под силой взрывчатки.

Нет, он с самого начала был одинок.

Жена у него была красавицей. Ее звали Юри, и она приехала с острова Онюдзима. Сплетни окружающих по большей части выдумки, но это чистая правда: однажды ночью мне сам дядя Гэн, напившись, рассказал об этом. Когда ему было лет двадцать восемь—двадцать девять, одной глубокой весенней ночью кто-то вдруг постучался в дверь. Проснувшись, Гэн спросил, кто там, и женщина попросила отвезти ее на остров. Выглянув, он увидел в лунном свете свою знакомую — девушку с Онюдзимы по имени Юри.

Тогда паромщиками трудились многие, но имя Гэн славилось и за пределами бухты. И не только потому, что он был парнем хоть куда, я хочу рассказать тебе о еще одной причине: в то время у Гэна был особенный голос. Стоило людям услышать, как он поет, правя веслом, и они при случае садились к нему в лодку, хотя и тогда, и сейчас он был человеком немногословным.

Нарочно ли девушка с острова пришла к нему ночью с просьбой подвезти, знают только боги, которым видно все с высоты, а для людей это осталось тайной. Если спрашивали, о чем они говорили по пути, старик, немногословный даже во хмелю, только улыбался, и на его лбу проступали две морщины, но в улыбке виднелась печаль.

Даже песни Гэна стали тогда звонче. Однако дни счастливой супружеской жизни пролетели, как сон. Когда их единственному сыну Коскэ было семь лет, Юри умерла, рожая второго ребенка. Зашел разговор о том, чтобы Коскэ взяли к себе люди из города, и со временем он пошел бы в ученики к какому-нибудь торговцу, но потеря любимой жены и расставание с единственным сыном стали бы слишком тяжелым ударом для Гэна, и люди отказались от этой затеи. И без того немногословный, он в то время почти перестал говорить, совсем не улыбался и пел, правя лодкой, только когда был пьян, а когда вечером о воды залива бился лунный свет, в его чистом голосе слышалась такая грусть, какой никогда не бывало в душах тех, кто ее слышал; когда жизнерадостный Гэн потерял жену, от его сердца словно откололся кусок. Если оставлять в пустом

доме в дождливые дни Коскэ одного было неудобно, отец брал его в лодку вместе с пассажирами, и люди дружно жалели мальчика. Немало матерей, купивших в городке гостинцы детям, открывали пакетики со сладостями и делились ими с мальчиком. Отец будто не замечал этого и не благодарил, принимая как должное, но никто на него не обижался, полагая, что его скорбь слишком глубока.

С тех пор прошло два года. Эту гавань начали застраивать, и мы с женой перебрались сюда с острова, построили дом и открыли гостиницу. Вокруг, вырезанные в склонах гор, пролегли дороги, а шоссе проложили перед домом дяди Гэна. Дважды в день, утром и вечером, раздавался гудок парохода, и наше дикое взморье, на котором когда-то сушились рыболовные сети, стало понемногу обретать свой нынешний вид. Но дядя Гэн оставался паромщиком. Он, как и раньше, возил в городок и обратно жителей островов и залива, и ни открытие порта, ни новые дороги, ни люди, которых стало куда больше, — ничего из этого сближения с суетным миром, по сравнению с тем, что было раньше, не радовало и не печалило его.

Прошло еще три года, и Коскэ, которому уже исполнилось двенадцать, играя с другими детьми у моря, случайно упал в воду и начал тонуть; дети, которые это видели, в страхе убежали и ничего не сказали взрослым. Уже вечером заметив, что Коскэ все не возвращается, отец испугался и вместе с нами отправился на поиски, но было уже слишком поздно: к нашему удивлению, тело несчастного принесло ко дну лодки дяди Гэна.

После этого он совсем перестал петь и даже с близкими почти не общался. Он не говорил, не пел, не смеялся, проводил годы и месяцы в молчании, и, казалось, все о нем забыли. Он, как и прежде, был паромщиком, но жители залива, сядясь в его лодку, словно не помнили о его существовании. Когда я сам видел, как он, стоя у кормового весла с полузакрытыми круглыми глазами, возвращается в залив, я сомневался, жив ли он еще. Ты первый, кто спросил, что он за человек.

Знаете, если его позвать и угостить сакэ, он может и запеть — только у этой песни слов не разобрать. Нет, он не бормочет себе под нос, не повторяет одно и то же, только иногда тяжело вздыхает. Верно, не может сдержать скорбь...»

Это было все, что хозяин гостиницы рассказал учителю. Тот не забыл дядю Гэна и впоследствии, вернувшись в столицу. Ночью, когда он, сидя при свете лампы и слушая шум дождя, уходил в раздумья, старик часто всплывал у него в памяти. «Как там сейчас дядя Гэн, — думал он, — наверное слушает шум волн и вспоминает ту далекую весеннюю ночь, закрыв глаза при свете одинокой лампы, или все думает о Коскэ». Но учитель не знал, что теперь, спустя несколько лет, нынешней зимней ночью мокрый снег падает на могилу дяди Гэна.

Пока молодой учитель переворачивал страницы своих воспоминаний, словно читал стихи, со стариком произошел еще более печальный случай, и он покинул этот мир. В поэме учителя недоставало одной последней строфы.

После того как школьники из Саики проводили учителя с причала в гавани Кацура, в январе следующего года дядя Гэн однажды утром отправился в городок по делам.

Небо затянуло тучами, и шел снег. В этих краях он редкость, но тот день выдался особенно холодным. Обычно жители со всех окрестных деревень и по реке, и по морю добирались до города на лодках — так уж было заведено в окрестностях Саики. На берегу Бандзёгавы всегда собирались перевозчики: кто-то забирался в лодку, кто-то высаживался, жители залива пели, жители гор бранились — словом, всегда царило оживление. Но в тот день берег пустовал, рябь на реке отражала серые облака, под навесами было темно, по дорогам никто не ходил, вымощенные камнем переулки обледенели. Где-то у подножия замковой горы разносился до самых облаков звон колокола, который от края до края пронизывал городок с побелевшей черепицей на крышах, словно камень, брошенный в озеро, где не живет рыба.

На большом перекрестке, где в праздники устанавливали сцену, играли дети бедняков с бледными бескровными лицами; кое-кто просто стоял, держа руки за пазухой. Сюда же приходил один нищий. Кто-то из детей позвал его: «Кисю, Кисю!», — но тот даже не повернулся и прошел мимо. На вид ему было лет пятнадцать-шестнадцать, его нечесанные волосы отросли ниже шеи, лицо было длинным, исхудавшим, с острым подбородком. Его

мутные малоподвижные глаза смотрели в никуда. Из одежды он всегда носил одно кимоно на подкладке; рукава были ему коротки, само кимоно, вечно мокрое, износилось в лохмотья и едва прикрывало голени. В проймах виднелись тощие, как ноги сверчка, локти, и он весь дрожал от холода. В этот момент откуда ни возьмись появился дядя Гэн. Они встретились прямо посреди перекрестка. Дядя Гэн пристально оглядел нищего круглыми глазами.

— Кисю, — позвал старик густым низким голосом.

Молодой нищий поднял на него тупо глядящие глаза и посмотрел на дядю Гэна так, как будто перед ним был камень. Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

Поискав в рукаве, дядя Гэн достал рисовый колобок, завернутый в лист бамбука, и протянул его Кисю; тот, вытащив из-за пазухи чашку, взял его. Ни один, ни второй не произнесли ни слова, не похоже, чтобы они были рады встрече, или что один жалел другого. Кисю пошел дальше, даже не обернувшись напоследок; дядя Гэн провожал его взглядом, пока он не скрылся за углом. Он посмотрел на небо: снег будто бы прекратился, но несколько снежинок еще опускались на землю. Он еще раз взглянул нищему вслед и тяжело вздохнул. Дети давились смехом и толкали друг друга локтями, но старик этого не замечал.

Домой дядя Гэн возвращался уже в сумерках. Окна его дома выходили на дорогу, но он не открыл их, сидел в темноте, не зажигая лампы, перед оча-

гом, закрыв ладонями с толстыми пальцами лицо, низко повесив голову и вздыхая. Он достал из очага сухую ветку. На конец тонкой ветки перекинулся и то гас, то снова загорался огонек, похожий на пламя свечи. Когда он разгорался, огонь ненадолго освещал комнату, и на закопченных стенах было видно движение тени старика и цветные гравюры. Когда Коскэ было лет пять-шесть, жена ездила в родную деревню, где ей и подарили эти гравюры, и развесила их по стенам. Сейчас, спустя десять лет, они совсем выцвели. Этой ночью не было ветра и не слышался шум волн. Вокруг дома раздавались какие-то шорохи, и старик, наострив уши, прислушался. Это был шорох мокрого снега; дядя Гэн некоторое время слушал его, а потом тяжело вздохнул и окинул взглядом комнату.

Когда он зажег керосиновую лампу и вышел на улицу, мороз пробрал его до самых костей — даже стоя у весла в холодные ночи, он не покрывался такой гусиной кожей. Горы казались черными, море потемнело. В свете лампы мерцали падающие на землю снежинки. Земля затвердела и обледенела. Двое мужчин шли, о чем-то разговаривая, со стороны городка; увидев стоящего в воротах старика с лампой, они окликнули его:

— Дядя Гэн, ну и холодная же ночь!

— Еще бы, — только и ответил он, глядя в сторону городка.

Когда молодые люди прошли немного дальше, один из них прошептал, что сейчас при виде лица старика молодая женщина упала бы в обморок, а второй ответил, что не удивится, если к утру ноги